

Что стимулирует стремительный экономический рост

В [Институте анализа предприятий и рынков](#) ВШЭ прошел семинар тематического цикла «Институциональные проблемы российской экономики», на котором состоялось обсуждение книги советника Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам Владимира Попова «Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West». Книга посвящена экономической истории Китая, России и Запада. В ней автор анализирует существующие теории экономического рывка западного мира и предлагает собственное объяснение этого феномена.

Существуют две главные теории, объясняющие стремительное экономическое развитие западного мира. Первая — в XVI веке у Запада появилось нечто такое, что выгодно отличало его от остального мира и что позволило ему вырваться вперед. Варианты «такого» различны. Это и протестантская реформация, и освобождение крестьянства, и эпоха просвещения, и свободные города, и европейские университеты и прочее. Представители другой теории убеждены, что экономический рывок западного мира — результат случайного стечения благоприятных факторов. Например, участие Китая в колониальном дележе в средние века и массовая миграция из страны на неизведанные земли были невозможны из-за того, что правящая династия запрещала китайцам путешествовать на больших кораблях. В то время как миграция из Европы в Америку после ее открытия Колумбом, по убеждению некоторых историков, стала одной из причин экономического роста Запада.

Объяснение, которое предлагает автор в своей книге, сводится к следующему — Запад разбогател, потому что смог беспощадно отменить господствовавшие в XVI веке коллективистские ценности, что привело к существенному повышению уровня сбережений и инвестиций. «Англия, Голландия и Северо-Западная Европа первыми рискнули распустить общину, провести огораживание, махнув рукой на обнищание значительной массы населения, — убежден Владимир Попов. — Когда значительная часть населения обнищала, другая его часть стала больше сберегать, обеспечив тем самым рост нормы накопления. В Англии норма накопления увеличилась с 6% в 1760 году до 12% в 1831 году. Повышение нормы накопления привело к увеличению капитала на душу населения, это повысило производительность труда и дало ускорение техническому прогрессу».

Другие вопросы, которыми задается в своей книге автор: в чем причина недавнего резкого экономического скачка восточноазиатского региона и что тормозит развитие России. По словам Владимира Попова, сегодня мы наблюдаем две модели догоняющего развития — китайскую (восточноазиатскую) и латиноамериканскую, которой во многом следует Россия. В первом случае развитие происходит с запаздыванием на начальном этапе, то есть на этапе отказа от коллективистских ценностей. Однако когда увеличивается норма сбережений, развитие набирает обороты, потому что институты остаются неразваленными. Цена рывка латиноамериканской модели развития — развал институтов,

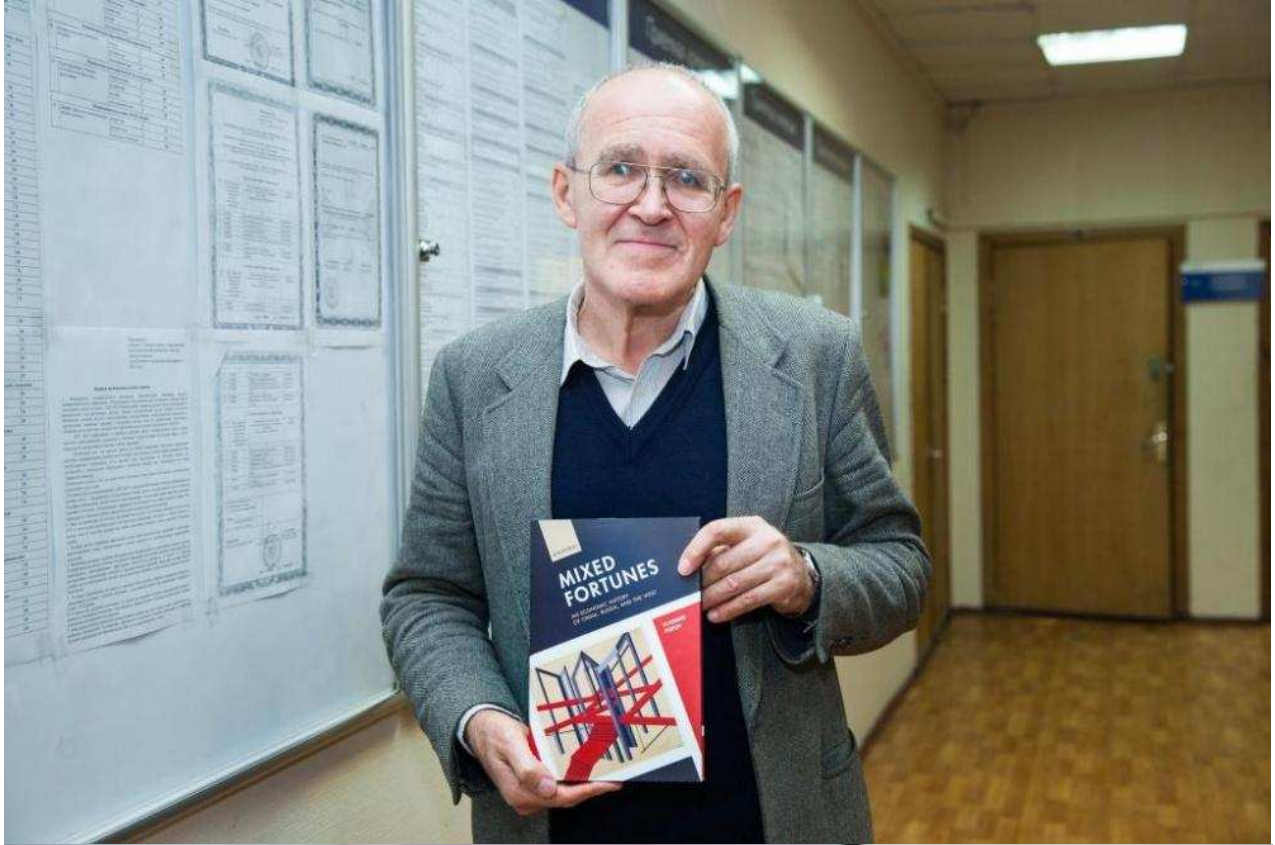
теневая экономика, высокий уровень социального неравенства и большие социальные противоречия.

Академик Российской академии наук Виктор Полтерович, также выступивший на семинаре, отметил, что в тяжелых ситуациях коллективистские ценности доказывают свою эффективность. Пример, израильские кибуцы на первом этапе строительства Израиля были основным двигателем развития экономики. Уровень коллективизма в Японии на начальных этапах тоже был довольно высоким. Да и Китай со своим коллективистским сознанием демонстрирует более высокий уровень развития, чем многие другие страны мира. Однако чтобы коллективистские институты были эффективными, необходимо увеличение уровня жизни населения.

«Идею неравенства как отказа от общины и коллективизма, которую высказывает автор, нельзя рассматривать как переход от равенства к неравенству, — убежден ведущий научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков ВШЭ [Борис Кузнецов](#). — Скорее это переход от одного неравенства (когда почти все «на нуле» и лишь очень небольшая часть имеет абсолютно все) к другому неравенству (когда значительная часть населения не имеет ничего, но и немалая его часть все-таки имеет что-то, что можно накапливать и инвестировать). Самое главное — такая ситуация дает людям возможность за счет способностей и труда вырваться из бедности в относительно богатую среду, что очень сложно сделать в общине».

С этой точкой зрения согласился директор Института анализа предприятий и рынков ВШЭ [Андрей Яковлев](#), добавив, что огромную роль в процессе развития играет фактор конкуренции. Когда в Европе появилась возможность перехода из одной социальной категории в другую, возникли и стимулы к росту. «Тезис, будто Россия разрушила у себя коллективистские ценности и институты и это есть наша главная проблема, мне кажется слишком упрощенным. На мой взгляд, наша основная проблема заключается в искаженной системе стимулов (прежде всего в госаппарате) и избыточном регулировании экономики со стороны государства. Борьба с коррупцией после кризиса 2008-2009 годов параллельно убивала любые инициативы. Что касается Китая, то ему пока удается сохранять инициативу в рамках системы стимулов, которые существуют в госаппарате», — считает Андрей Яковлев.

Анастасия Чумак, новостная служба портала ВШЭ

- 1 из 7. Владимир Попов с книгой «Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia and the West»
- 2 из 7. Владимир Попов, советник Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам
- 3 из 7. Виктор Полтерович, академик Российской академии наук
- 4 из 7. Андрей Яковлев, директор Института анализа предприятий и рынков ВШЭ (справа)
- 5 из 7. Михаэль Рохлиц, научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития
- 6 из 7. Борис Кузнецов, ведущий научный сотрудник Института анализа предприятий и рынков ВШЭ